

Второй рассвет

— Вот они, — сказал Эрис, приподнимаясь на передних конечностях, чтобы удобнее было смотреть на простирающуюся под ними долину. На секунду горечь и боль ушли из его головы, и Джерил, чей мозг лучше, чем какой-либо другой, был настроен на мозг Эриса, едва их смогла обнаружить. Появился даже некий оттенок нежности, который остро напомнил Джерил другого Эриса, того, которого она помнила еще до войны и казавшегося теперь таким далеким, недостижимым, словно он остался лежать на равнине вместе с остальными.

Темная волна пленников двигалась по долине в их сторону; движение ее было прерывистым, неестественным — паузы и топтание на месте сменялись быстрыми рывками вперед. Волну обрамляло золото — тонкая линия стражей аселени, которых было пугающе мало по сравнению с черной массой плененных. Но и малого их количества хватало вполне: они требовались исключительно для того, чтобы направлять бесцельно тычущийся по сторонам поток в нужное русло. Однако при виде этой многотысячной вражьей стаи Джерил поймала себя на том, что не в силах удержать дрожь, и плотней прижалась к своему другу — серебряная шкура на фоне золота. Эрис не подал виду, а возможно, и не заметил этого.

Страх исчез, когда Джерил увидела, как медленно движется вперед поток темных тел. Чего-то подобного она примерно и ожидала, но в реальности все оказалось гораздо хуже. Когда пленники подошли ближе, вся ненависть и горечь, что были в ней, отхлынули от ее мозга, и их место заняла жалость. Никто из ее расы больше не будет бояться этих безмозглых, лишенных разума орд, которых гнали сейчас в долину.

Страже ничего не оставалось делать, кроме как понукать пленников бессмысленными бодрящими криками, с какими обычно взрослые обращаются к детям, слишком маленьким, чтобы понимать слова. Джерил, как ни старалась, не могла уловить искру разума ни в одном из нескольких тысяч пленников, проходивших так близко. Тем ярче было для нее величие этой победы — и тем ужаснее. Чувствительный ум Джерил улавливал примитивные мысли, более присущие детям, находящимся на границе сознания. Побежденный враг превратился даже не в детей, а в младенцев с телами взрослых.

Поток находился в нескольких футах от них. В первый раз Джерил осознала, насколько митранианцы крупнее ее народа и как красиво свет двойного солнца отражается от их темных атласных тел. Вот какой-то внушительного вида митранианец, на целую голову выше Эриса, откололся от общей массы и неуверенно пошел к ним, остановившись в нескольких шагах. Затем он съежился, как потерявшийся испуганный ребенок, его великолепная голова стала неуверенно поворачиваться из стороны в сторону в поисках неизвестно чего. На секунду огромные пустые глаза остановились на лице Джерил. Она знала, что для митранианцев она выглядит такой же красивой, как для ее собственной расы, — но никакого проблеска эмоций не отразили его черты, а голова по-прежнему бесцельно и безостановочно двигалась. Раздраженный охранник вернул пленника к остальным.

— Пойдем, — взмолилась Джерил. — Я больше не могу этого видеть. Зачем ты вообще привел меня сюда? — Последняя мысль прозвучала тяжелым укором.

Эрис помчался по травянистым склонам огромными прыжками, и, пока он бежал, его мозг передал ей послание. В мыслях друга все еще стоял отголосок нежности, хотя боль была слишком глубока, чтобы как-нибудь ее утаить.

— Я хотел, чтобы все — и ты — видели, что нам пришлось сделать, чтобы выиграть войну. Тогда, возможно, в течение нашей жизни войн больше не будет.

Он подождал ее на вершине холма, нисколько не устав от подъема. Поток пленников был теперь далеко внизу. Джерил припала к земле рядом с Эрисом и начала ощипывать скудную растительность, сумевшую подняться сюда по склонам из плодородной долины. Постепенно Джерил начала приходить в себя после виденного.

— Но что с ними будет? — наконец спросила она; у нее все не выходило из памяти тот лишенный разума великолепный гигант, который шел в плен и не понимал этого.

— Их можно научить есть, — сказал Эрис, — в долине хватит еды на полгода, а затем их отведут дальше. Это тяжелая ноша для наших собственных ресурсов, но у нас существуют моральные обязательства — и мы внесли этот пункт в мирный договор.

— А их уже нельзя будет вылечить?

— Нет. Их ум полностью поврежден. Они останутся такими до смерти.

Наступила долгая пауза. Джерил рассеянно блуждала взглядом по холмам, волнами сбегаящим к морю. Местами между холмами проглядывала голубая полоска — таинственное, неодолимое море. Его голубизна скоро сгустится и потемнеет, слепящее белое солнце уже садилось, и в небе скоро останется только красный диск — в сто раз больше, но гораздо менее яркий, чем его спутник.

— Я понимаю, мы были вынуждены это сделать, — сказала наконец Джерил. Она думала почти про себя, но позволила отпустить свои мысли на расстояние, на котором Эрис их тоже слышал.

— Ты видела их, — коротко сказал он. — Они крупнее и сильнее нас. Хотя мы превосходили их числом, положение было безвыходным: в конце концов, я думаю, они бы нас победили. Сделав то, что мы сделали, мы спасли от смерти тысячи — от смерти или от унижения.

Горечь опять заполнила его мысли, и Джерил не осмеливалась на него даже взглянуть. Эрис наглухо закрыл глубины своего мозга, но она знала, что он думает об обломке рога на своем лбу. Война — не считая ее завершающей фазы — велась двумя способами: острыми как бритва копытами маленьких, не приносящих почти никакой пользы передних ног и похожим на единорожий рогом. И вот последним-то Эрис уже никогда не сможет воспользоваться, и эта потеря была главной причиной его печали и грубости, которая порой заставляла Эриса обижать тех, кто его любил.

Похоже, Эрис кого-то ждал, но Джерил не могла догадаться, кого. Она предпочитала не прерывать его мыслей, когда Эрис был в таком настроении, и поэтому просто оставалась с ним рядом, и ее тень слилась с его тенью, далеко протянувшись по склону горы.

Джерил и Эрис принадлежали к расе, в лотерее природы оказавшейся удачливее других, — и все-таки они были лишены одного из величайших ее даров. Они обладали могучим телом и таким же могучим разумом и жили в плодородном мире с умеренным климатом. По человеческим меркам вид их был очень странным, но не отталкивающим. Их лоснящиеся, покрытые шкурой тела сужались книзу, оканчиваясь единственной

гигантской задней конечностью, на которой они могли совершать скачки над землей высотой до тридцати футов. Две передние конечности были гораздо меньше и в основном служили для равновесия. Они заканчивались заостренными копытами, которые могли смертельно ранить в бою, но не имели никакого другого полезного применения.

И аселени, и их близкие родственники митранианцы обладали умственными способностями, которые позволили им достичь высот в математике и философии, но зато они не имели никакой власти над физическим миром. Дома, орудия производства, одежда — любые проявления материальной культуры — были им совершенно неведомы. Для рас, обладавших руками, щупальцами или другими средствами манипуляции, их культура могла показаться в высшей степени ограниченной; но такова приспособляемость мозга и сила привычки, что они редко замечали этот свой недостаток и не могли вообразить иного способа жизни. Для них было совершенно естественным бродить большими стадами по плодородным долинам, останавливаясь там, где находилось изобилие пищи, и вновь пускаясь в путь, когда ее запасы уменьшались. Эта кочевая жизнь оставляла достаточно времени для занятий философией и даже некоторыми искусствами. Телепатические возможности этой расы покуда не лишили их голосов, и они разрабатывали сложную вокальную музыку и еще более сложную хореографию. Но больше всего они гордились диапазоном своих мыслей, на протяжении жизни тысяч поколений они направляли свои мысли блуждать в туманной бесконечности метафизики. О физике же, и вообще о любой науке о веществе, они ничего не ведали, не знали даже, что подобные существуют.

— Кто-то идет, — внезапно сказала Джерил. — Кто это?

Эрис не потрудился даже взглянуть в сторону, куда Джерил показывала, но в его ответе прозвучала некоторая напряженность.

— Это Аретенон. Я здесь договорился с ним встретиться.

— Я рада. Когда-то вы были такими хорошими друзьями, что я даже огорчилась, когда вы поссорились.

Эрис угрожающе ударил копытом о дерн, как он делал всегда, будучи смущен или раздражен.

— Наша дружба кончилась, когда во время пятой битвы он оставил меня на Равнине. Я тогда еще не знал, зачем ему понадобилось уйти.

Глаза Джерил расширились во внезапном удивлении и понимании.

— Ты хочешь сказать — он имел какое-то отношение к Безумию и к тому, как закончилась война?

— Да. Очень немногие знают о рассудке больше, чем он. Я не знаю, какую именно роль он сыграл, но, безусловно, важную. Не думаю, что он когда-нибудь нам об этом расскажет.

Все еще находясь от них на существенном расстоянии, Аретенон большими прыжками зигзагом поднимался на холм. Скоро он был уже рядом и инстинктивно наклонил голову, чтобы коснуться ногами Эриса в универсальном жесте приветствия. Затем он остановился, страшно смущенный, и возникла неловкая пауза, пока Джерил не кинулась спасать ситуацию, отпуская какие-то общие замечания.

Наконец Эрис заговорил, и Джерил с облегчением ощутила его явное удовольствие от встречи со старым другом, впервые после того, как они расстались в разгар войны. Она же в последний раз виделась с Аретеноном еще раньше и теперь с удивлением замечала, как сильно он изменился. Аретенон был много моложе Эриса, но сейчас никто бы не догадался об этом. Часть его когда-то золотой шкуры с возрастом потемнела, и Эрис с

присущим ему искрометным юмором вдруг заметил, что скоро его трудно будет отличить от митранианца.

Аретенон улыбнулся.

— В последние несколько недель это было бы мне полезно. Я только что прошел через всю их страну. Как ты можешь предположить, мы там были не слишком популярны. Если бы они узнали, кто я, вряд ли бы мне удалось вернуться живым, несмотря на перемирие.

— Но ведь не ты же, в конце концов, ответственный за Безумие? — спросила Джерил, не в силах сдержать любопытство.

Мгновенно она почувствовала стену плотного оборонительного тумана, которой, словно щитом, Аретенон отгородился от мира. Затем пришел ответ, странно приглушенный, как будто пришел откуда-то издалека, что очень редко происходило при телепатическом контакте.

— Нет, главная ответственность лежит не на мне. Но... я был очень близок к тем, кто это устроил.

— Конечно, — ответил Эрис несколько раздраженно, — я только простой солдат, и мне этих вещей не понять. Но я бы хотел знать, как вы это сделали. Естественно, — добавил он, — ни Джерил, ни я никому об этом не расскажем.

Опять показалось, что завеса окутала мысли Аретенона. Затем он слегка приподнялся.

— Мне мало что позволено об этом рассказывать. Как ты знаешь, Эрис, меня всегда интересовал ум и его работа. Ты помнишь игры, в которые мы когда-то играли, когда я пытался проникнуть в твои мысли, а ты делал все, чтобы остановить меня? И как я иногда заставлял тебя действовать против твоей воли?

— Я все равно считаю, — сказал Эрис, — что ты не смог бы сделать этого с кем-то, тебе не знакомым, а в тех играх я бессознательно тебе помогал.

— Тогда это так и было, но теперь все изменилось. И доказательство тому — вон там, в долине.

Он сделал жест, указывая на последних, отставших пленников, которых подгоняла охрана. Темный поток почти прошел, и вскоре вход в ущелье будет закрыт.

— Когда я стал старше, — продолжал Аретенон, — я проводил все больше и больше времени, исследуя работу ума и пытаюсь понять, почему некоторые из нас могут с такой легкостью проникать в чужие мысли, а другие совершенно неспособны это сделать и вынуждены оставаться в изоляции, в одиночестве, должны общаться звуками или жестами. И особо меня заинтересовали те редкие, полностью расстроенные умы, чьи обладатели уровнем ниже, чем дети.

Мне пришлось отложить свои исследования, когда началась война. Затем, ты знаешь, во время пятой битвы, меня неожиданно вызвали. Даже сейчас я точно не знаю, кто ответствен за это. Меня привезли в одно место, далеко отсюда, где я нашел маленькую группу мыслителей — с некоторыми из них я уже был знаком.

План был простым — и грандиозным. С самого рассвета нашей расы мы знаем, что два или три ума, объединенные вместе, могут быть использованы для управления другим умом, если он этого хочет, так, как я когда-то управлял тобой. Мы использовали эту возможность для лечения больных с древних времен. Теперь мы решили использовать ее для разрушения.

Существовали две основные сложности. Одна связана с любопытным ограничением наших обычных телепатических способностей — когда, за редким исключением, мы можем вступать в контакт на расстоянии только с тем, кого мы уже знаем, а общаться с чужими можем только в их присутствии.

Вторая, и более сложная, проблема заключалась в том, что требовалась объединенная мощь многих умов, а ведь до этого мы вообще не умели соединять усилия более двух или трех человек. Как мы этого достигли — в этом и состоит наш главный секрет. Далее же, когда нам этого удалось добиться и мы приступили к осуществлению основной цели, достичь ее оказалось проще, чем мы ожидали. Два ума мощнее одного не вдвое, а три не втрое, а во много больше раз. Точное математическое отношение между ними очень интересно. Вы ведь знаете, что чем больше в группе элементов, тем быстрее растет число связей между ними. Аналогичная закономерность соблюдается и в этом случае.

Итак, в результате мы получили Объединенный Ум. Сперва он был нестабилен, и мы могли сохранять его только на несколько секунд. Даже сейчас это дается невероятным напряжением умственных ресурсов, и мы по сей день не можем удерживать себя в таком состоянии в течение... достаточно долгого времени, скажем так.

Все эти эксперименты, разумеется, проводились в обстановке строжайшей секретности. Если мы могли это сделать, то же самое могли сделать и митранианцы, их умы ведь оснащены не хуже наших. У нас были пленники, и мы использовали их как подопытные экземпляры.

На секунду завеса, скрывавшая глубинные мысли Аретенона, казалось, дрогнула и рассеялась, затем он восстановил контроль.

— Это было самым тяжелым. Одно дело — насыщать безумие в отдаленные земли, когда противника не видишь в лицо, но совсем другое, когда ты собственными глазами вынужден наблюдать результат сделанного.

Когда мы усовершенствовали свою методику, мы устроили испытание на большом расстоянии. Нашей жертвой был некто, настолько хорошо знакомый одному из наших пленников, чей ум мы полностью контролировали, что мы могли полностью идентифицировать его, — и таким образом расстояние между нами не являлось помехой. Опыт удался, но, конечно, никто не подозревал, что это сделали мы.

Мы ничего не предпринимали до тех пор, пока не убедились, что наша атака своей внезапностью положит конец войне. Из голов наших пленников мы извлекли возможность идентификации множества митранианцев в подробностях, которых вполне хватало, чтобы выявить и разрушить их умы. Каждый ум, подвергшийся нашему нападению, выдавал нам знания о других, и наша мощь увеличивалась. Мы могли причинить гораздо больший урон, чем причинили, тем более что разрушение умов велось у одних мужчин.

— Вы полагаете, — горестно сказала Джерил, — что так более милосердно?

— Возможно, и нет, и все-таки, согласитесь, это поступок, который делает нам честь. Мы остановились, едва только враг начал мирные переговоры, а так как о произошедшем, кроме нас, не знает никто, мы отправились в их страну, чтобы хоть как-то возместить тот ущерб, который мы нанесли. Впрочем, мы мало что могли сделать.

Наступила долгая пауза. В ущелье внизу никого не было, и белое солнце зашло. Холодный ветер дул над холмами, над пустынным, без единого корабля, морем, где он был единовластным хозяином. Эрис заговорил, и его мысли чуть слышно раздавались в мозгу у Аретенона.

— Ты пришел не для того, чтоб рассказать мне об этом, верно? За этим стоит что-то еще. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Да, — согласился Аретенон. — У меня для тебя послание, и оно тебя сильно удивит. Послание от Теродимуса.

— Теродимуса?! Я думал...

— Ты думал, что он погиб или, что еще хуже, предал. Однако ни то ни другое не верно, хотя он прожил последние двадцать лет на вражеской территории. Митранианцы относились к нему так же, как и мы, и давали ему все, что нужно. Они ценили его ум по справедливости, и даже во время войны никто не тронул его. Теперь он хочет вновь увидеться с тобой.

Эрис был чрезвычайно взволнован известием о своем старом учителе, но внешне это на нем нисколько не отразилось. Он вспомнил юность, время, когда Теродимус влиял на него особенно сильно.

— Что он делал все эти годы? — спросил Эрис после затянувшейся паузы. — И почему он хочет увидеться со мной снова?

— Это длинная и сложная история, — сказал Аретенон. — Теродимус сделал открытие не менее грандиозное, чем наше; и его открытие может иметь еще более значительные последствия.

— Открытие? Какого рода?

Аретенон помолчал, задумчиво глядя вниз. Охрана возвращалась, оставив в долине лишь небольшую часть стражников — для того, чтобы справляться с отбившимися от стада пленниками, много было не нужно.

— Ты знаешь о нашей истории не меньше моего, Эрис, — начал он. — Принято считать, что прошло не менее миллиона поколений, прежде чем мы достигли нынешнего уровня развития, — а это огромный промежуток времени! Почти весь прогресс, достигнутый нами, возможен благодаря нашим телепатическим способностям; без них мы немногим бы отличались от всех других животных, которые обладают таким поразительным сходством с нами. Мы очень гордимся нашей философией и математикой, нашей музыкой и хореографией, — но задумывался ли ты когда-нибудь, Эрис, что возможны иные направления культурного развития, о которых мы даже не мечтали? Что во Вселенной могут быть и другие силы, кроме умственных?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — коротко ответил Эрис.

— Это трудно объяснить, и я не буду даже пытаться — разве что скажу тебе следующее. Понимаешь ли ты, насколько слаб наш контроль над внешним миром и насколько на самом деле бесполезны эти наши конечности? Нет, ты не можешь этого осмыслить, потому что не видел того, что видел я. Но, возможно, это поможет тебе понять.

Кружево мыслей Аретенона вдруг перешло в минор.

— Я помню, как однажды набрел на целую поляну прекрасных и каких-то очень уж необычных по форме цветов. Я хотел увидеть, как они выглядят изнутри, и попытался раскрыть один из них, зажав его между копыт и пытаясь проникнуть внутрь зубами. Я пытался снова и снова — и ничего не получилось. В конце концов, ополоумев от ярости, я втоптал эти цветы и грязь.

Джерил ощущала недоумение Эриса, но также она видела, что ему любопытно узнать побольше.

— У меня тоже бывало такое чувство, — признался он, — но что тут можно сделать? И в конце концов, так ли это важно? Существует многое во Вселенной, что происходит не так, как нам хотелось бы.

Аретенон улыбнулся.

— В целом ты прав. Но Теродимус открыл, что можно с этим сделать. Ты не хочешь отправиться повидать его?

— Это, должно быть, долгое путешествие.

— Около двадцати дней пути, и придется пересекать реку.

Джерил почувствовала, как Эрис слегка содрогнулся. Аселени ненавидели воду. Кости их были слишком тяжелыми, чтобы эти создания могли плавать, и поэтому если они падали в воду, то тут же тонули.

— Это на территории противника, вряд ли я им понравлюсь.

— Они уважают тебя, и потом — отправиться туда будет означать что-то вроде жеста дружелюбия.

— Но я нужен здесь.

— Поверь моему слову — ничто из того, что ты должен делать здесь, не так важно, как сообщение Теродимуса тебе — и всему миру.

Эрис на секунду закрыл свои мысли, но быстро поднял завесу.

— Я подумаю об этом, — сказал он.

Поразительно, как мало Аретенон ухитрился рассказать за много дней путешествия. Временами Эрис пытался прорвать оборону его ума, но все его попытки умело и без труда отражались. О том абсолютном оружии, которое положило конец войне, он не сказал ничего, но Эрис знал, что те, кто им владеет, еще не расформированы и по-прежнему находятся в каком-то тайном убежище. Зато он часто заводил разговор о будущем — всякий раз с непреходящей тревогой того, кто помогал это будущее сформировать и не был при этом уверен, что действовал правильно. Как и многих других представителей его расы, Аретенона постоянно одолевало чувство вины за содеянное. Порою он делал выводы, которые озадачивали Эриса, но которые впоследствии вспоминались ему все чаще и чаще.

— Мы подошли к переломному моменту нашей истории, Эрис. Возможности, которые мы открыли, скоро станут известны и митранианцам, и следующая война будет означать полное уничтожение и для нас, и для них. Всю жизнь я работал, чтобы увеличить наши знания о разуме, но теперь я задаюсь вопросом, не принес ли я в этот мир слишком могущественную и слишком опасную вещь, которой мы не сможем управлять. Впрочем, возврата нет — рано или поздно наша культура все равно дошла бы до этого.

Дилемма ужасна, а решение только одно. Мы не можем вернуться назад, а если пойдем вперед, это может привести к катастрофе. Поэтому мы должны изменить саму природу нашей цивилизации и окончательно порвать с миллионом поколений, живших до нас. Ты не можешь представить себе, что это значит, — я тоже не мог, пока не встретил Теродимуса, а он рассказал мне о своей мечте.

Ум — это чудесная вещь, Эрис, но сам по себе он беспомощен во Вселенной, которая состоит из материи. Мы теперь знаем, как увеличить мощь наших мозгов в неисчислимое количество раз. Мы, вероятно, можем решать величайшие математические задачи, которые много веков ставили нас в тупик. Но ни одиночный, ни коллективный ум, который мы создали, ни в малейшей степени не могут изменить того факта, который на протяжении всей истории вызывал противостояние между нами и митранианцами, — а

именно что запас пищи имеет предел, количество же населения, наоборот, растет постоянно.

Джерил наблюдала за ними, почти не принимая участия в их мысленном споре. Большинство этих споров происходило во время еды — как и подобает всем активным жвачным, они тратили значительную часть дня на поиски пищи. К счастью, земля, через которую пролегал их путь, была чрезвычайно плодородной — и это ее плодородие как раз и явилось одной из главных причин войны. Эрис, с радостью отмечала Джерил, вновь становился похожим на самого себя. Чувство горького разочарования, которое наполняло его ум столько месяцев, не прошло, но оно уже не казалось таким всеохватным, как раньше.

Они покинули открытую равнину на двадцать второй день своего путешествия. В течение долгого времени они передвигались по бывшей митранианской территории, но те немногие из бывших врагов, которых они встречали, казались скорее любопытными, чем враждебными. Теперь травянистые пастбища подошли к концу, и перед ними лежал лес со всеми его первобытными ужасами.

— В этом районе живет только один вид плотоядных, — успокаивал их Аретенон, — им не справиться с нами тремя. Мы пройдем лес за сутки.

— Ночь в лесу! — выдохнула Джерил, наполовину парализованная страхом от одной только мысли об этом.

Аретенону стало неловко из-за того, что он ее так напугал.

— На самом деле никакой опасности нет. — Он попытался выправить положение. — Я проходил здесь несколько раз. Крупных хищников давно не существует, полной темноты в лесу не бывает из-за красного солнца.

Джерил все-таки чуть дрожала. Она происходила из рода, который несколько тысяч поколений селился на высоких холмах и в открытых долинах, спасаясь от опасности исключительно за счет быстрого бега. Мысль о том, что придется продвигаться среди деревьев — в красных сумерках, когда основное солнце зайдет, — наполняла ее ужасом. Из них троих только у Аретенона имелся рог, которым можно было сражаться («И отнюдь не такой длинный и острый, как был когда-то у Эриса», — подумала Джерил.)

Дневной переход по лесу, хотя и прошел без особых приключений, никакой радости у Джерил не вызвал. Единственными животными, попавшимися им на глаза, были крохотные создания с длинными хвостами, которые бегали вверх-вниз по стволам деревьев с удивительной скоростью, что-то рассерженно лопоча при виде вторгшихся в их владения чужаков. Наблюдать за ними было довольно весело, но Джерил отнюдь не думала, что ночь в лесу окажется такой же веселой.

Ее страхи имели под собой основание. Когда яркое белое солнце скрылось за деревьями и алые тени красного гиганта легли повсюду, весь мир вокруг переменился. Лес окутала тишина, но внезапно откуда-то издалека до них долетел вой. Инстинкт предков заставил всех троих мгновенно обернуться на звук.

— Что это было? — с трудом выдохнула Джерил. Дыхание Аретенона участилось, но он приложил все старания, чтобы ответить спокойно.

— Я не знаю, — сказал он. — Это очень далеко отсюда.

Они по очереди решили нести караул, и потянулась долгая ночь. Время от времени Джерил пробуждалась от страшных снов и находила вокруг себя еще более кошмарную реальность — странные, кривые деревья, от которых исходила угроза. Однажды, когда была ее очередь караулить, она услышала, как что-то тяжелое пробирается по лесу, — но

это что-то не приближалось, и она не стала будить остальных. Но вот наконец на небе засияло долгожданное солнце, и снова начался день.

Аретенон, как показалось Джерил, испытывал большее облегчение, чем хотел показать. Он вел себя почти по-мальчишески, прыгал в утреннем свете, срывая ртом со свисающих ветвей целые охапки листвы.

— Теперь осталось недолго, — бодро сказал он, — к полудню мы выберемся из леса.

В его мыслях скрывался какой-то пугающий подтекст, который озадачивал Джерил. Казалось, у Аретенона имелся от них некий секрет, и Джерил спрашивала себя, какие еще препятствия им предстоит одолеть. К середине дня она уже знала, какие, потому что путь им преградила широкая река, текущая мимо них так медленно, словно она не торопилась впадать в море.

Эрис смотрел на реку с досадой, опытным глазом прикидывая ее глубину.

— Слишком глубоко, чтобы перейти здесь вброд. Придется подниматься вверх по течению, прежде чем мы сможем проделать это.

Аретенон улыбнулся.

— Наоборот, — бодро сказал он, — мы пойдем вниз по течению.

— Ты спятил? — вскричал Эрис, услышав это.

— Скоро увидишь. Нам осталось недалеко — ты ведь уже столько прошел, так что доверься мне.

Река медленно углублялась и ширилась. Она и раньше казалась непроходимой, теперь же стала непроходимой вдвойне. Если какой-нибудь неширокий ручей можно перейти по упавшему стволу дерева, да и это было связано с риском, то реку, текущую перед ними, и множество деревьев не перекрыли бы.

— Мы уже почти добрались, — сказал наконец Аретенон. — Я узнаю это место. Сейчас кто-нибудь выйдет из того леса. — Он указал рогом на деревья на другой стороне реки, и почти сразу же вышли из леса и направились к берегу три фигуры. Двое, как заметила Джерил, были аселени, третий — митранианец.

Они приблизились к огромному дереву, стоявшему у кромки воды, но Джерил не обратила на дерево никакого внимания; она слишком заинтересовалась фигурами на берегу, размышляя, что они будут делать дальше. Поэтому, когда изумление Эриса ударом грома отозвалось в ее мозгу, она была слишком ошарашена, чтобы понять его причину. Затем повернулась к дереву и увидела то, что увидел Эрис.

Существуют умы и расы, для которых канат, привязанный к стволу дерева и протянутый до другого берега, чтобы таким способом преодолевать реку, — вещь привычная и вполне естественная. Но и Джерил, и Эриса это наполнило ужасом неизведанного, и на один жуткий момент Джерил даже показалось, что из воды появляется гигантский змей. Затем она увидела, что к ним приближается что-то неживое, но ее страх не прошел. Потому что это был первый искусственный предмет, который она видела в своей жизни.

— Не думай о том, что это такое и как оно здесь оказалось, — посоветовал Аретенон. — Оно перенесет вас через реку, и это главное. Посмотрите — кто-то движется с того берега!

Одна из фигур вошла в воду и стала пересекать реку, перебирая передними конечностями по канату. Когда фигура приблизилась — это оказалась митранианка, — Джерил увидела, что верхняя часть ее тела обхвачена второй, меньшей веревкой.

С мастерством, дающим долгим опытом, незнакомка перебралась по плавучему канату и, отряхиваясь, выбралась из реки. Похоже, они были с Аретеноном знакомы, но Джерил не удалось перехватить ее мысли.

— Я могу перебраться без всякой помощи, — сказал Аретенон, — но вам я покажу самый легкий способ.

Он проскользнул верхней частью туловища в веревочную петлю, вошел в воду и, как крючками, зацепился передними конечностями за натянутый канат. Минуту спустя его уже быстро тащили через реку те двое, что были на другом берегу, где, после множества переживаний, Эрис и Джерил вскорости оказались тоже.

Конечно, это был не тот мост, которого следовало бы ожидать от расы, способной с легкостью рассчитать железобетонную арочную конструкцию — если бы возможность существования такого предмета когда-либо пришла им в голову. Но и этот мост служил своей цели, и раз уж он был построен, они вполне смогли им воспользоваться.

Раз уж он был построен... Но кто его создал, вот в чем вопрос. Когда сопровождающие, отряхиваясь, присоединились к ним, Аретенон предупредил своих друзей:

— Боюсь, что здесь вас ожидает множество потрясений. Вы увидите много странного, но когда поймете, в чем дело, они перестанут вас озадачивать. На самом деле вы скоро начнете принимать их как данность.

Один из незнакомцев, чьи мысли ни Эрис, ни Джерил не смогли уловить, передал ему сообщение.

— Теродимус ждет нас, — сказал Аретенон. — Он очень хочет тебя увидеть.

— Я пытался войти с ним в контакт, — пожаловался Эрис. — Но у меня ничего не вышло.

Казалось, Аретенон чуть встревожился.

— Ты найдешь, что он изменился, — сказал он, — но вы же не виделись много лет. Может пройти некоторое время, пока полный контакт между вами восстановится.

Дорога, петляя, шла через лес, и время от времени от нее отходили в стороны узкие тропки. Теродимус, думал Эрис, должно быть, действительно изменился, раз поселился среди деревьев. Наконец дорога вывела их на открытую поляну, над которой выступала невысокая белая скала. У подножия скалы находились несколько темных отверстий разных размеров — входы в пещеры.

Впервые в жизни Эрис и Джерил приходилось войти в пещеру, и радости они от этого не испытывали. Наоборот, у них гора с плеч свалилась, когда Аретенон велел подождать у входа и в одиночку направился в глубину, откуда лился удивительный желтоватый свет. Минутой позже смутные воспоминания запульсировали в мозгу Эриса, и, хотя он не мог полностью схватывать мысль учителя, Эрис понял, что тот идет к ним.

И вот Теродимус вышел на солнечный свет. При взгляде на него Джерил взвизгнула и спрятала голову в гриве Эриса, но Эрис стоял твердо, хотя сам дрожал так, как никогда не дрожал перед боем. Теродимус сиял великолепием, которого не знал ни один представитель их расы с самого начала истории. Вокруг его шеи висело ожерелье из блестящих предметов, которые ловили и отражали солнечные лучи тысячами цветных бликов, а его тело покрывал кусок плотного переливающегося материала, мягко шелестящего при ходьбе. И рог его больше не был желтоватым, как слоновая кость, какая-то магия окрасила его в пурпурный цвет, такой красивый, какого Джерил до этого никогда не видела.

Теродимус секунду стоял не двигаясь, наблюдая их изумление. Затем в мозгу Джерил и Эриса эхом прозвучал его громкий смех, и он сел на заднюю конечность. Цветное одеяние с шорохом опустилось на землю, а оттого, что он часто вскидывал голову, блестящее ожерелье распространяло вокруг себя радугу. Только пурпурный рог его не менялся в цвете.

Эрису казалось, что он стоит на краю огромной пропасти, а Теродимус манит его к себе с другого края. Их мысли пытались образовать мост, но контакта не получалось. Между ними лежал поток, вмещавший в себя почти половину жизни и множество битв, состоящий из огромного количества неразделенного опыта, — годы, прожитые Теродимусом в этой чужой стране, его собственный брак с Джерил и их погибшие дети. Хотя они стояли лицом к лицу и их разделяли всего несколько футов, их мысли никак не могли соединиться.

Тогда Аретенон со всей мощью своего непревзойденного мастерства сделал с его умом что-то такое, чего Эрис не мог полностью осознать. Он только ощутил, что годы как будто покатались назад, что он вновь стал любознательным и страстным учеником — и снова смог говорить с Теродимусом.

Странно было ночевать под землей, но все же лучше, чем среди ужасов леса. Глядя на малиновые тени, сгущающиеся у входа в маленькую пещеру, Джерил попыталась разобраться в своих обрывочных мыслях. Она поняла только малую часть того, что происходило между Эрисом и Теродимусом, но знала, что творится что-то невероятное. Если уж она видела вещи, для которых в ее языке не находилось названия, — одно это говорило о многом.

Она не только видела, но и слышала. Когда они проходили мимо одного из входов в пещеру, оттуда доносилось ритмичное жужжание, подобного которому не издавало ни одно из животных. Звук шел постоянно, без пауз, без перерывов, и даже сейчас, ночью, его неспешный ритм продолжал звучать в ее голове. Аретенон, вероятно, тоже обратил на это внимание, хотя звук его и не удивил; Эрис же был слишком поглощен Теродимусом.

Старый философ рассказывал очень мало, предпочитая, как он сам выразился, показать им свою империю, когда они как следует отдохнут за ночь. Почти вся их беседа касалась событий, произошедших на их собственной земле за последние несколько лет, и Джерил она показалась скучноватой. Только одна вещь заинтересовала ее и сконцентрировала на себе все ее внимание. Это было потрясающее ожерелье из цветных кристаллов, которое Теродимус носил на шее. Что это и как оно было создано, Джерил и вообразить не могла, но она хотела иметь такое же. Засыпая, она поймала себя на мысли, какую сенсацию вызовет ее появление дома с этим чудом, блистающим на фоне ее собственной шкуры. Да уж, на ней оно выглядело бы гораздо лучше, чем на старом Теродимусе.

Аретенон и Теродимус встретили их у пещеры вскоре после рассвета. Философ на этот раз отказался от своих украшений — которые он явно надевал для того, чтобы произвести на гостей впечатление. Рог тоже стал обычного, желтоватого цвета. Это было единственной вещью, которую Джерил еще как-то могла понять, потому что встречалась с фруктами, чьи соки могли вызывать цветовые изменения.

Теродимус устроился у входа в пещеру. Он начал свое повествование без всяких предисловий, и Эрис догадался, что учитель уже рассказывал об этом множество раз прежним посетителям.

— Я пришел в это место, Эрис, примерно через пять лет после того, как покинул нашу страну. Как ты знаешь, меня всегда интересовали чужие земли, а от митранианцев долетало множество слухов, которые меня сильно заинтриговали. Как я выследил их источник — долгая история, и сейчас это не имеет уже никакого значения. Однажды летом я пересек реку далеко вверх по течению, когда уровень воды был очень низким. Существует всего лишь одно место, где это можно сделать, да и то только в наиболее засушливые годы. Еще выше река теряется в горах, и я не думаю, что там можно пройти. Так что место это — практически остров, почти полностью отрезанный от территории митранианцев.

Это остров, но отнюдь не необитаемый. Народ, живущий здесь, называет себя филени, и у них весьма примечательная культура — совершенно отличная от нашей. Некоторые из продуктов этой культуры вы уже видели.

Как вы знаете, в нашем мире имеется множество видов живых существ, и только некоторые из них обладают каким-то интеллектом. Но существует огромная пропасть между нами и всеми иными существами. Насколько мы знаем, мы — единственные, кто способен к абстрактному мышлению и сложным логическим процессам. Филени — гораздо более молодая раса, чем мы: они — промежуточное звено между нами и другими животными. Они живут здесь, на этом довольно большом острове в течение нескольких тысяч поколений, — но скорость их развития оказалась во много раз быстрее, чем наша. Они не обладают нашими телепатическими возможностями и даже не понимают, как это у нас получается, но у них есть нечто иное, чему мы вполне можем позавидовать, — нечто, создавшее всю их цивилизацию и осуществляющее этот невероятно быстрый прогресс.

Теродимус сделал паузу, затем медленно поднялся.

— Следуйте за мной, — сказал он. — Я покажу вам филени.

Он снова повел их к пещере, но в этот раз остановился у входа, откуда Джерил слышала странный ритмично жужжащий звук. Теперь он слышался яснее и громче, и она увидела, как Эрис вздрогнул, словно не замечал его раньше. Затем Теродимус издал высокий свист, и жужжание сразу стало слабеть, становясь все ниже и ниже, октава за октавой, пока не умолкло вовсе. Минутой спустя что-то вышло к ним из полутьмы.

Это было маленькое существо, вдвое ниже их ростом, и оно не прыгало, а шло на двух соединенных конечностях, которые казались очень тонкими и слабыми. На его большой круглой голове самыми заметными были три огромных глаза, широко расставленные и способные двигаться независимо друг от друга. При самом доброжелательном отношении Джерил никак не могла найти существо привлекательным.

Затем Теродимус свистнул еще раз, и существо подняло свои передние конечности.

— Смотрите внимательно, — очень мягко посоветовал Теродимус, — и вы узнаете ответы на многие свои вопросы.

В первый раз Джерил заметила, что передние конечности существа заканчиваются не копытами и не тем, чем оканчиваются конечности любого известного ей животного. Вместо этого они делились на минимум дюжину тонких и гибких щупальцев и два загнутых когтя.

— Подойди к нему, Джерил, — сказал Теродимус. — У него для тебя кое-что есть.

Джерил неуверенно выступила вперед. Она заметила, что тело существа перекрещено лентами темного материала, к которым присоединялись непонятные предметы. Вот существо поднесло переднюю конечность к одному из них, и крышка предмета открылась, показывая углубление, внутри которого что-то мерцало. Маленькие

щупальца сжали чудесное хрустальное ожерелье, и движением таким быстрым и ловким, что Джерил едва успела его увидеть, филени подошел к ней и застегнул ожерелье на ее шее.

Теродимус отмахнулся от ее смущенных благодарностей, но его пронизательный старый ум явно был очень доволен. Теперь Джерил будет его союзницей во всем, что он собирался делать. Но справиться с эмоциями Эриса оказалось не настолько легко, и в этом деле простой логики было недостаточно. Ученик Теродимуса изменился, он был так глубоко изранен прошлым, что Теродимус сомневался в успехе. Однако у него имелся план, который мог даже эти сложности обратить во благо.

Он еще раз свистнул; филени сделал машущий жест руками и исчез в пещере. Еще через мгновение в ее глубине возобновилось странное жужжание, но теперь любопытство Джерил пересиливал восторг от подаренного.

— Мы пройдем через лес, — сказал Теродимус, — к ближайшему селению, это недалеко отсюда. Филени не живут на открытом воздухе, как мы. На самом деле они отличаются от нас по всем мыслимым параметрам. Я даже опасаюсь, — добавил он печально, — что они обладают лучшим характером, чем мы, и я полагаю, что когда-нибудь их интеллект станет выше нашего. Но сперва позвольте мне рассказать, что я о них узнал, тогда вы поймете, что я собираюсь сделать.

Умственная эволюция любой расы обусловлена и в сильнейшей степени зависит от физических факторов, которые эта раса неизменно принимает как должное, считая их частью естественного хода вещей. Чувствительные конечности филени дали им возможность путем проб и экспериментов обнаружить факты, которые другие интеллектуальные расы методом чистой дедукции открыли за более длительный промежуток времени. Довольно рано филени изобрели простейшие орудия. От них они перешли к тканям, гончарным изделиям и использованию огня. Когда Теродимус нашел их, они уже изобрели токарный станок и гончарное колесо и собирались вступить в свой первый металлический век — со всем, что под этим подразумевалось.

В области чистого интеллекта их прогресс был не так быстр. Они стали толковыми и умелыми, но испытывали неприязнь к абстрактному мышлению и их математика была чисто эмпирической. Они знали, например, что треугольник со сторонами в соотношении 3:4:5 являлся прямоугольным, но даже не подозревали, что это частный случай гораздо более общего закона. Их знание полно таких зияющих прорех, которые, несмотря на помощь Теродимуса и нескольких десятков его учеников, они не спешили латать.

Теродимуса они почитали как бога, и два поколения их недолго живущей расы подчинялись ему во всем и снабжали его всеми продуктами своих ремесел, которые ему требовались. Под его руководством они изготавливали новые инструменты и приборы, которые приходили ему в голову. Такое партнерство оказалось невероятно плодотворным, потому что обе расы как будто внезапно оказались избавленными от своих природных недостатков. Великое искусство ручного труда и огромные интеллектуальные возможности объединились в плодотворный союз — вероятно, единственный на всю Вселенную, — и прогресс, на который обычно уходила тысяча лет, был достигнут меньше чем за десятилетие.

Как и обещал Аретенон, после того как Эрис и Джерил увидели маленького ремесленника-филени за работой, посмотрели, с каким волшебным мастерством его пальцы превращают природные материалы в красивые и полезные предметы, их уже

ничего не удивляло. Даже крошечные города и примитивные фермы филени перестали ими восприниматься как чудо и сделались частью принятого порядка вещей.

Теродимус дал им увидеть достаточно для того, чтобы они составили представление о каждом аспекте этой странно утонченной культуры каменного века. Поскольку они не знали ничего другого, они не нашли ничего несообразного в том, как гончар-филени, который вряд ли умел считать дальше десяти, создавал множество сложных поверхностей под руководством юного митранианского математика. Как вся его раса, Эрис обладал мощным пространственным воображением, но он понимал, насколько легче для понимания стала бы геометрия, если бы можно было воочию видеть представляемые в уме фигуры. От этого истока (хотя он еще не мог догадываться об этом) однажды возникнет идея письменности.

Джерил больше всего привлекло зрелище маленьких женщин-филени, которые работали на своих примитивных ткацких станках. Она могла часами сидеть, наблюдая за летающими челноками и жалея, что не может заняться тем же, хотя все действия были понятны и очевидны, — неуклюжие верхние конечности ее народа не давали ей никакой возможности заниматься ткачеством.

Они очень полюбили филени, которые всегда были рады им угодить и трогательно гордились своими ценностями и мастерством в ремеслах. В этих новых условиях, когда каждый день приносил новые чудеса, Эрис, казалось, излечивался от тех шрамов, которые оставила на нем война. Однако Джерил знала, что еще многое предстоит залечить. Иногда, прежде чем он успевал скрыть их, она натыкалась на болезненные гневные раны в глубинах мозга Эриса и боялась, что многие из них — как обломанный рог — залечить уже не удастся. Эрис ненавидел войну, и то, как она закончилась, все еще угнетало его. Кроме того, Джерил знала, что его мучает страх, что война может разразиться снова.

Все это она часто обсуждала с Теродимусом, к которому очень привязалась. Она все еще не совсем понимала, зачем Теродимус позвал их сюда и что он и его соратники планируют предпринять. Теродимус не торопился объяснять свои действия, потому что хотел, чтобы Джерил и Эрис сами обо всем догадались. Но наконец, через пять дней после их прибытия, он позвал их в свою пещеру.

— Вы уже видели, — начал он, — большую часть того, что мы должны были показать вам. Теперь вы знаете, на что способны филени, и, возможно, поняли, как обогатится наша жизнь, когда мы сумеем пользоваться продуктами их труда. Это первое, что пришло мне на ум, когда я прибыл сюда много лет назад.

Мысль очевидная и простая, но она меня привела к другой, гораздо более важной. По мере того как я узнавал филени и видел, как быстро развивается их ум и как они продвинулись вперед за столь короткое время, я постепенно осознавал, какая роковая причина мешала развитию нашей расы. Я стал задаваться вопросом, насколько дальше мы могли бы продвинуться, если бы обладали возможностями филени справляться с физическим миром... Это не вопрос чистого удобства или умения создавать прекрасные вещи, такие как твое ожерелье, Джерил, но нечто гораздо более глубокое. Это разница между невежеством и знанием, между слабостью и силой. Мы развили наш ум и только ум, и теперь нам некуда двигаться дальше. Аретеной уже говорил вам, что мы подошли к черте, за которой жизни всей нашей расы грозит опасность. Мы существуем под тенью неотразимого оружия, против которого не существует защиты.

И решение этой проблемы, если говорить откровенно, находится в руках филени. Мы должны использовать их мастерство для переделки нашего мира и таким образом

устранить причину наших войн. Мы должны вернуться к началу и вновь заложить фундамент нашей культуры. Хотя это уже будет не только наша культура, потому что мы разделим ее с филени. Они будут руками, мы — мозгом. О, я мечтаю о том мире, который будет существовать через несколько веков, когда даже те чудеса, что вы видите, покажутся детскими игрушками! Но не все среди нас философы, и мне нужен более весомый аргумент, чем мечты. Я полагаю, что, возможно, нашел этот окончательный аргумент, хотя все еще не уверен в этом до конца.

Я пригласил тебя, Эрис, сюда потому, что хотел возобновить нашу старую дружбу. А вторая причина в том, что ты сейчас пользуешься очень большим влиянием среди своего народа. Ты — герой, и митранианцы прислушаются к тебе. Я хочу, чтобы ты вернулся к своим вместе с несколькими филени и вещами, которые они производят. Покажи их своим и попроси прислать сюда ваших юношей, чтобы помочь нам в работе.

Возникла пауза, во время которой Джерил не могла уловить и намек на то, о чем думал Эрис. Затем он нерешительно произнес:

— Но я все еще не понимаю. Да, вещи, которые делают филени, очень красивы, и некоторые из них могут быть нам полезны. Но как они могут изменить нас так глубоко?

Теродимус вздохнул. Эрис не смог отрешиться от настоящего и заглянуть в будущее. Он не уловил, что сулят им умелые руки и инструменты филени — первые слабые возможности создания машин. Может быть, он никогда этого не поймет, и тем не менее убедить его можно.

Закрыв свои более глубокие мысли, Теродимус продолжал:

— Какие-то из этих вещей — действительно, игрушки, но они могут оказаться более значимыми, чем ты думаешь. Джерил, я знаю, была бы ненавистна мысль о том, чтобы расстаться с ее игрушкой... и, возможно, я смогу найти такую, которая убедила бы и тебя.

Эрис был настроен скептически, и Джерил видела, что он вообще пребывает в состоянии мрачнее некуда.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — заявил он.

— Ну, я все-таки попробую. — Теродимус свистнул, и на его свист примчался один из филени. Они перебросились парой коротких фраз.

— Пойдем со мной, Эрис. Это займет некоторое время.

Эрис пошел за ним, остальные, по просьбе Теродимуса, остались. Они вышли из большой пещеры и пошли к целому ряду малых, которые филени использовали для мастерских.

Странное жужжание раздавалось все громче, но в первый момент Эрис не увидел его источника — свет грубо сделанных масляных ламп был слишком слабым для его глаз. Затем он разглядел филени, склонившегося над деревянным столом, на котором что-то быстро вращалось, приводимое в движение ремнем от педали, которую крутило еще одно из маленьких существ. Он уже видел подобное устройство, использующееся в гончарном деле, но это действовало иначе. Оно вращало дерево, а не глину, а пальцы гончара заменяло острое металлическое лезвие, от которого длинные тонкие стружки завивались фантастическими спиралями. Своими огромными глазами филени, которые не любили яркого солнечного света, прекрасно видели в полутьме, но прошло некоторое время, прежде чем Эрис смог разглядеть, что происходит. Когда же он разглядел, то понял.

— Аретенон, — сказала Джерил, когда Эрис и Теродимус скрылись в пещере, — а почему филени должны все это делать для нас? Им наверняка и без нас хорошо.

Аретенон подумал, что вопрос очень характерен для Джерил и никогда не придет в голову Эрису.

— Они будут делать все, что говорит Теродимус, — ответил он. — Но даже помимо этого существует многое, что мы можем им дать. Когда мы направим наш ум на проблемы филени, мы поймем, как их решать такими способами, которые никогда не придут в головы им самим. Они очень хотят учиться, и мы уже продвинули их культуру вперед на сотни поколений. Кроме того, они физически очень слабы. Хотя мы не обладаем их ловкостью, наша сила делает возможным решение многих задач, с которыми они никогда бы и не пытались справиться.

Они добрались до кромки реки и постояли минуту, глядя на неспешные воды, плавно текущие к морю. Затем Джерил повернулась, чтобы пойти вверх по течению, но Аретенон остановил ее.

— Теродимус не хочет, чтобы мы ходили туда — пока, — объяснил он. — Это еще один из его маленьких секретов. Он никогда не раскрывает своих планов, пока они полностью не продуманы.

Слегка раздосадованная и охваченная любопытством, Джерил послушно повернула назад. Конечно, она отправится туда снова, как только никого не будет поблизости.

Сейчас, среди деревьев, на нагретых солнцем прогалинах Джерил чувствовала себя спокойно. Ощущение страха перед лесом почти прошло, хотя она знала, что уверенности ей здесь не обрести никогда.

Аретенон казался очень рассеянным. Джерил понимала, что он хочет ей что-то сказать и собирается с мыслями. Но вот слова полились из него со свободой, которая возможна только между существами, любящими друг друга — не физически, а духовно.

— Очень трудно, Джерил, повернуться спиной к делу всей своей жизни. Когда-то я надеялся, что те великие силы, которые мы раскрыли в себе, можно будет использовать без вреда, но теперь я знаю, что это невозможно, по крайней мере в течение еще многих веков. Теродимус прав — мы не можем идти вперед, пользуясь только своим умом. Наша культура безнадежно односторонняя, хотя и не по нашей вине. Мы не можем решить основную проблему войны и мира без того, чтобы овладеть физическим миром так, как им владеют филени, — и мы надеемся позаимствовать это у них.

Возможно, для наших умов найдутся другие обширные сферы деятельности, чтобы заставить нас забыть то, что нам придется отвергнуть. В конце концов, мы сможем научиться чему-то от самой природы. Какова разница между огнем и водой, между деревьями и камнями? Что такое два наших солнца? А эти миллионы слабеньких огоньков, которые мы видим на небе, когда оба солнца заходят, — что они? Возможно, ответы на все эти вопросы находятся в конце нового пути, по которому мы должны идти.

Он остановился.

— Новые знания, новая мудрость в тех областях, о которых мы никогда не мечтали раньше, — это может отвлечь нас от тех опасностей, с которыми мы столкнулись. Ведь ничто в природе не представляет такой опасности, как та угроза, которую мы обнаружили у себя в умах.

Поток мыслей Аретенона неожиданно прервался. Затем он сказал:

— Мне кажется, Эрис хочет тебя видеть.

Джерил спросила себя, почему Эрис не послал ей сообщения сам; ее также заинтересовал оттенок удовольствия — или чего-то другого? — в мыслях Аретенона.

Когда они приближались к пещерам, Эриса нигде не было видно, но не успели они туда подойти, как он выскочил на солнечный свет. Джерил с невольным криком отступила на пару шагов, когда ее супруг устремился к ней.

Эрис был таким же, как раньше. Обломок со лба исчез, вместо него сиял новый великолепный рог, нисколько не хуже прежнего.

В запоздалом жесте приветствия, Эрис коснулся рогом рога Аретенона. Затем помчался в сторону леса огромными ликующими прыжками — но перед этим слился мыслями с Джерил так, как это редко бывало даже в довоенные дни.

— Пусть идет, — мягко сказал Теродимус, — ему надо побыть одному. Когда он вернется, я думаю, ты найдешь его несколько... иным. — Он негромко рассмеялся. — Филени умные, верно? Возможно, Эрис теперь более высоко оценит их «игрушки».

— Я знаю, что я нетерпелив, — продолжал Теродимус, — но я стар и хочу увидеть начало перемен, пока жив. Вот почему я начинаю так много дел в надежде, что хоть некоторые окажутся успешными. Но это то дело, в которое я верю более всего.

На секунду он погрузился в свои мысли. Даже малая доля представителей расы, к которой принадлежал Теродимус, не смогла бы полностью разделить его мечты. Даже Эрис, хотя теперь он поверил в них, делал это больше сердцем, чем разумом. Может быть, Аретенон, который так отчаянно стремился нейтрализовать те силы, которые сам же и принес в этот мир, мог бы оценить реальное положение вещей. Но из всех умов он был самым непроницаемым, если сам не хотел открыться.

— Вы не хуже моего знаете, — говорил Теродимус, когда они шли вверх по течению, — что наши войны имеют только одну причину — пища. Мы и митранианцы заперты, как в ловушке, на этом континенте с его ограниченными ресурсами, для увеличения которых мы ничего не делаем. Перед нами маячит страшная картина голодной смерти, и при всем нашем хваленном интеллекте мы ничего не можем с этим поделать. Ах да, мы прорыли безумно трудоемкие ирригационные каналы нашими передними копытами, но как мало они помогают!

Филени научились выращивать зерновые, они знают, как увеличивать плодородность почвы во много раз. Я полагаю, что мы сможем делать то же самое — когда приспособим их орудия труда для собственных нужд. Это наша первая и самая важная задача, но не она занимает главное место в моем сердце. Окончательным решением нашей проблемы, Эрис, должно быть открытие новых плодородных земель, на которые может переселиться наш народ.

Он улыбнулся их изумлению.

— Нет, не думайте, что я сошел с ума. Такие земли на самом деле существуют, я в этом уверен. Однажды я стоял на берегу и наблюдал за большой стаей птиц, летевших из глубины материка куда-то за море. Я видел, как они летели туда, летели настолько целенаправленно, что я уверен, они собирались в какие-то другие страны. Я мысленно летел вместе с ними.

— Даже если ваша теория верна, а вероятно, так оно и есть, — сказал Эрис, — как мы ее можем использовать? — Он показал на плавно текущую реку. — Мы тонем в воде, а вы не можете изготовить такую веревку, чтобы... — Внезапно его мысли превратились в беспорядочный хаос идей.

Теродимус улыбнулся.

— Кажется, ты уже догадываешься, что я собираюсь сделать. Ну а теперь ты можешь увидеть, так это или не так.

Они вышли на ровный участок берега, на котором группа филени что-то делала под руководством одного из помощников Теродимуса. У кромки воды лежал странный предмет, изготовленный, как понял Эрис, из множества стволов деревьев, скрепленных канатами.

Как замороженные, они следили за творящейся на берегу суетой. После нескольких сильных рывков плот тяжело лег на воду. Еще не улеглись брызги, как какой-то юный митранианец уже запрыгнул на плот и, ликуя, принялся танцевать на бревнах. Швартовые канаты натянулись, казалось, вот-вот и они порвутся и плот устремится вниз по реке к морю. Минутой позже к митранианцу присоединились остальные, радуясь тому, что они победили стихию. Маленькие филени, которые не могли прыгнуть так далеко, терпеливо стояли на берегу, наблюдая за тем, как радуются их учителя.

Пьянящая радость победы не обошла никого, но, наверное, лишь немногие понимали, что случившееся — поворотный пункт истории. Теродимус стоял в стороне, погруженный в мысли. Он знал, что этот примитивный плот — только начало. Его нужно было испытать на реке, затем близ берега моря. Работа должна занять годы, и он никогда не увидит первых путешественников, возвратившихся из тех сказочных земель, существование которых было пока не более чем догадкой. Но то, что начато, закончат другие.

Стая птиц поднялась над лесом и пролетела над его головой. Теродимус смотрел на птиц и завидовал их свободному полету. Сейчас он положил начало завоеванию водного пространства для своей расы, но что когда-нибудь ей будут принадлежать небеса, лежало за гранью даже его богатого воображения.

Аретенон, Джерил и все остальные уже перебрались через реку, пока Эрис прощался с Теродимусом. На этот раз ни капля воды не коснулась их тел, плот спокойно доставил их куда надо. Новая, усовершенствованная модель плота уже строилась, ведь было совершенно очевидно, что та, что существует сейчас, не выдержит морских путешествий. Эти трудности быстро преодолеют проектировщики, даже несмотря на орудия каменного века, с которыми они имели дело.

— Тебе предстоит непростая задача, — говорил Теродимус, — ведь ты не можешь показать своему народу всего, что видел здесь сам. Ты должен радоваться, если только заронишь семя, вызовешь хоть какой-то в них интерес — особенно среди молодежи, которая придет сюда, чтобы научиться большему. Возможно, ты встретишь сопротивление — я не исключаю и этого. Но каждый раз, когда ты будешь возвращаться сюда, у нас найдется что-то новое, чтобы показать тебе и усилить твои аргументы.

Они коснулись друг друга рогами; затем Эрис ушел, унося с собой знания, с помощью которых предстояло изменить мир. Сперва медленно, затем, когда барьеры будут преодолены и митранианцы и аселени получают простые инструменты, которые они смогут пристегивать к своим верхним конечностям и использовать без чужой помощи, прогресс двинется быстрее. Но в настоящий момент они вынуждены были во всем полагаться на филени.

Теродимус остался доволен. Только одно разочаровало его: он надеялся, что Эрис, любимый его ученик, сможет стать и его преемником. Эрис, который сейчас возвращался к своему народу, больше не погружался в себя и не ожесточался, потому что у него была цель и надежды на будущее. Но ему не хватало острого и широкого видения мира, которое являлось совершенно необходимым. Продолжать начатое будет Аретенон. Тут уж

ничего не поделаешь, так что нет нужды размышлять об этом. Теродимус был очень стар, но он знал, что не раз еще увидится с Эрисом.

Парома больше не было, и, хотя он и ожидал чего-то подобного, Эрис остановился в изумлении у широкого пролета моста, слабо раскачивающегося на ветру. Исполнение не вполне соответствовало проекту — много математических познаний было вложено в его параболическую подвеску, — но все равно он стал первым величайшим инженерным сооружением в истории. Сконструированный из дерева и канатов, тем не менее он предвосхищал форму будущих металлических гигантов.

Эрис задержался на середине моста. Он видел дымок, поднимающийся от корабельных верфей, открытых в сторону моря, и ему показалось, что он заметил даже мачты судов, которые строились для торговых маршрутов вдоль побережья. Трудно было поверить, что, когда он впервые перебирался через эту реку, его тащили, висящего на канате.

Аретенон ждал их на другом берегу. Походка его сделалась медленной, но в глазах по-прежнему горел незатухающий интерес ко всему. Он тепло приветствовал Эриса.

— Я рад, что ты прибыл именно сейчас. Как раз вовремя. Эрис знал, что это могло означать только одно.

— Корабли вернулись?

— Приближаются, их заметили час назад на горизонте. Они будут здесь с минуты на минуту, и тогда, после всех этих лет, мы наконец-то узнаем правду. Если бы только...

Его мысль ушла в сторону, но Эрис сам мог продолжить фразу. Они подошли к большой каменной пирамиде, под которой лежал Теродимус — Теродимус, чей ум стоял за всем, что они видели, и который уже никогда не узнает, сбылась его мечта или нет.

С моря шел шторм, и они поспешили по новой дороге, идущей вдоль берега реки. Время от времени мимо них проплывали маленькие суденышки, каких Эрис еще не видел. Сидящие в них аселени или митранианцы приводили суда в движение деревянными лопастями, привязанными к передним конечностям. Эрис всегда с большой радостью наблюдал за любыми новшествами, освобождавшими его народ от вековых ограничений. И все-таки иногда представители его расы напоминали ему детей, внезапно оказавшихся в чудесном мире, полном потрясающих вещей, которые нужно сделать, неважно, окажутся ли они полезными или нет. Однако все, что помогало сделать из его расы хороших мореплавателей, было более чем полезным. В последнее десятилетие Эрис открыл, что чистого интеллекта явно недостаточно, — существовали навыки, которые нельзя было приобрести никакими умственными усилиями. Хотя его народ в основном преодолел страх воды, они все еще были неспособны совершать дальние морские плавания, и поэтому первыми мореплавателями стали филени.

Джерил нервно озиралась, когда первый раскат грома ударил со стороны моря. На шее у нее по-прежнему висело ожерелье, которое Теродимус подарил ей когда-то давно, но теперь оно уже не было единственным украшением, которое она носила.

— Я надеюсь, кораблям ничто не угрожает, — тревожно сказала она.

— Ветер пока не сильный, а они могут выдержать гораздо более страшные штормы, чем этот, — успокоил ее Аретенон, когда они вошли в его пещеру. Эрис и Джерил с интересом огляделись, горя желанием узнать, какие новые чудеса изготовили филени за время их отсутствия; но если они и были, Аретенон прятал их до поры до времени. Он по-прежнему, как ребенок, обожал маленькие сюрпризы и тайны.

В их встрече присутствовала какая-то отстраненность, которая озадачила бы стороннего наблюдателя, не знавшего ее причины. Пока Эрис рассказывал о всех изменениях во внешнем мире, о новых поселениях филени и об успехах в сельском хозяйстве, Аретенон слушал его вполуха. Его мысли, как и мысли его друзей, были далеко, на берегу моря. Они с волнением ожидали прибытия кораблей, которые могли принести величайшую новость из всех, которые когда-либо получал его мир.

Когда Эрис закончил свой отчет, Аретенон поднялся и стал беспокойно кружить по пещере.

— Ты достиг многого. Мы и не надеялись на такое. По крайней мере, в течение жизни поколения не было ни одной войны, и в первый раз за всю историю продовольствия у нас больше, чем населения, — благодаря новым сельскохозяйственным технологиям.

Аретенон оглядел убранство своего помещения. Почти все, что он сейчас видел, в годы юности показалось бы ему невозможным и просто бессмысленным. Тогда не существовало даже простейших орудий труда, во всяком случае его народ их не знал. Теперь у них были дома, мосты, корабли — и это только начало.

— Я доволен, — произнес он. — Как и планировалось, мы изменили все направление нашей культуры и обошли опасность, которая нас ожидала. Те силы, сделавшие возможным Безумие, скоро будут забыты. Маленькая горстка соплеменников еще помнит о них, но мы унесем наши секреты с собой. Возможно, когда наши потомки вновь доберутся до них, они окажутся достаточно мудрыми, чтобы использовать их надлежащим образом. Но мы открыли так много новых чудес, что, наверное, пройдет тысяча поколений, прежде чем наш народ опять захочет заглянуть в свой собственный мозг и экспериментировать с силами, заключенными в нем.

Вход в пещеру осветился внезапной вспышкой молнии. Гроза приближалась, хотя была еще на расстоянии нескольких миль от них. Со свинцового неба большими сердитыми каплями стал падать дождь,

— Пока мы ждем кораблей, — неожиданно сказал Аретенон, — зайдите в соседнюю пещеру и посмотрите несколько новых вещей, появившихся со времени вашего последнего визита.

Это была странная коллекция. Бок о бок на одной и той же скамье располагались инструменты и изобретения, которые в других культурах отделяли друг от друга тысячи лет. Каменный век завершился, пришли железо и бронза, и уже были созданы первые, пока еще грубые, научные приборы для проведения экспериментов, раздвигавших границы неизведанного. Примитивная реторта говорила о зачатках химии, а рядом с ней находились первые линзы — мир стоял на пороге открытия неизвестных ранее бесконечно малых и бесконечно огромных вселенных.

Гроза разразилась над ними тогда, когда рассказ Аретенона о новых чудесных вещах подошел к концу. Время от времени он с тревогой поглядывал на вход в пещеру, словно ожидая гонца из гавани, но никто не тревожил их, кроме раскатов грома.

— Самое важное я вам уже показал, — сказал он, — но есть кое-что, что может развлечь вас, пока мы ждем. Как я говорил, повсюду были посланы экспедиции, чтобы собрать и классифицировать горные породы, все, какие попадутся, в надежде найти полезные ископаемые. Одна из экспедиций принесла вот это.

Он погасил огонь, и в пещере стало абсолютно темно.

— Пройдет некоторое время, пока ваши глаза станут достаточно чувствительными, чтобы разглядеть, — предупредил Аретенон. — Смотрите вот в тот угол.

Эрис напряг зрение. Сперва он ничего не видел, затем, постепенно, перед ним слабо замерцал голубой свет. Он казался таким туманным и рассеянным, что на нем трудно было сконцентрировать зрение, и Эрис автоматически подался вперед.

— Я бы не советовал подходить слишком близко, — предостерег Аретенон. — Он кажется совершенно обычным минералом, но филени, который нашел и принес его сюда, получил какие-то странные ожоги. Однако на ощупь он холодный. Когда-нибудь мы узнаем его секрет, но я не думаю, что он очень важен.

Небо рассклось молнией; на секунду ее отраженный свет наполнил пещеру, и по стенам заходили причудливые тени. В этот же момент один из филени появился у входа и сказал что-то Аретенону своим тонким пронзительным голосом. Тот издал громкий крик радости — точно так же кричали предки Аретенона на поле битвы, — затем его мысли ворвались в ум Эриса.

— Земля! Они нашли землю — целый новый континент, который ждет нас!

Эрис почувствовал, как чувства торжества и победы переполняют его.

Перед ним лежала ясная дорога в будущее — новая, славная дорога, по которой пойдут их дети, осваивая мир и все его секреты. То, что видел Теродимус, наконец отчетливой и блестящей картиной встало перед ним.

Он потянулся мыслями к Джерил, чтобы она могла разделить его радость, и почувствовал ее рядом. Наклонившись к ней в темноте, он ощутил, что она все еще смотрит в глубь пещеры, как будто не слыхала чудесной новости, и не может оторвать глаз от загадочного свечения.

Из ночи пришел грохот запоздалого грома, рассыпавшийся по небу. Эрис почувствовал, как тело Джерил дрожит, и послал ей свои мысли, чтобы утешить ее.

— Это же просто гром, — мягко произнес он, — чего тут бояться?

— Я не знаю, — ответила Джерил. — Я боюсь — но не из-за грома. О, Эрис, мы сделали чудесную вещь, и я бы так хотела, чтобы Теродимус был сейчас с нами и видел это. Но куда она в конце концов приведет — эта новая дорога?

Из прошлого выплыли вдруг слова, сказанные когда-то Аретеноном. Она вспомнила их давнюю прогулку вдоль берега реки, когда он говорил о своих надеждах. Он сказал тогда: «Ничто, чему мы можем научиться у природы, не будет таить такой огромной опасности, какая таится в наших собственных умах». Слова эти, казалось, дразнили ее и отбрасывали тень на золотое грядущее, но почему — она не могла этого объяснить.

Может быть, потому, что из всех рас во Вселенной только ее народ достиг следующего перекрестка дорог, минуя предыдущий. Теперь они вновь должны пройти по дороге, которую пропустили вначале, и лицом к лицу столкнуться с угрозой, ждущей в конце пути, — угрозой, которой на этот раз им не удастся избежать.

В темноте перед ней слабое свечение распадающихся ядер прожигало скальную твердь. Едва различимое, вот так же оно будет светить и тогда, когда Джерил и Эрис давно превратятся в прах. Оно станет лишь немного слабее, когда цивилизация, которую они строят, наконец раскроет его секреты.